

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-101-118

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДЕ МАЙКОПЕ

Никита А. Кузнецов

Институт языкоznания РАН, Российская Федерация

Целью данной статьи является описание и анализ актуальной на сегодняшний день социолингвистической ситуации в городе Майкопе и его окрестностях. В статье показаны те особенности развития города Майкопа как «переселенческого» центра в начале его истории, а затем как города в статусе столицы национально-территориального образования, которые повлияли и/или до сих пор оказывают влияние на языковую ситуацию в нем. Подробно рассмотрены ключевые этнолингвистические компоненты (русский и адыгейский языки и говорящие на них этнические группы), показаны процессы усиления их доминирования над прочими языками. Представлены примеры языкового сдвига, особенно сильно проявляющегося в ситуации культурно близких этносов. Полно освещен вопрос корреляции между языком, этнической принадлежностью и самоидентификацией, весьма остро стоящий в адыгоязычной среде. Затронуты вопросы билингвизма на изучаемой территории. Миноритарные этнолингвистические компоненты разделены на группы, дан краткий анализ состояния отдельных представителей этих групп (арабский, армянский, греческий, татарский, турецкий языки и этнические группы). Рассмотрен фактор связи с основным массивом бытования языка с точки зрения его сохранения в диаспоре (на примере адыгов, татар и греков).

Ключевые слова: адыги и адыгейский язык, адыгейский язык в городской среде, социолингвистическая ситуация в Майкопе, языковой сдвиг, сохранение родного языка, миноритарные этнолингвистические компоненты

CONTEMPORARY SOCIOLINGUISTIC SITUATION IN THE CITY OF MAYKOP

Nikita A. Kuznetsov

Institute of Linguistics, RAS, Russian Federation

The aim of the article is to describe and to investigate the current state of sociolinguistic situation in the city of Maykop and its surrounding localities. The article shows those features of the development of the city of Maykop as a resettlement centre at the beginning of its existence and then as a city in the status of the capital of a national-territorial entity that have influenced and/or still have an impact on the language situation in it. The paper studies the key ethnolinguistic components of the sociolinguistic situation (the Russian and Adyghe languages and ethnic groups that use them), showing their dominance enhancement processes above the others. It presents the examples of the language shift, which is especially strong manifested in the situation of the culturally related ethnic groups. The question of the correlation among the language, the ethnic belonging and the self-identification, that is very acute among the Adyghe-speaking population, is fully covered. The article raises the issue of the bilingualism at the investigated territory. The minority ethnolinguistic elements of the situation were divided into groups, the article gives a brief analysis of the state of the some representatives of the groups (Arabic, Armenian, Greek, Tatar, Turkish languages, and ethnic groups). The article considers the factor of connection with the main array of language usage in terms of its preservation in the diaspora.

Keywords: the Adyghe people and the Adyghe language, the Adyghe language in the urban space, sociolinguistic situation in the city of Maykop, language shift, preservation of the native language, minority ethnolinguistic elements

1. Введение

Настоящая статья посвящена социолингвистической ситуации, сложившейся в настоящее время в городе Майкопе, вот уже 30 лет являющемуся столицей Республики Адыгея. Многонациональная Республика Адыгея на данный момент является домом для представителей более чем 100 различных этносов. Город Майкоп тоже многонационален, что вполне закономерно: ведь после окончания военного управления в 1871 г. город развивался как поселение для приезжавших на южные земли переселенцев из других регионов Российской империи, готовых заново их осваивать после завершения Кавказской войны (1817-1864). Склонность к положительному сальдо миграций сохранялась в дальнейшем и в советское, и в постсоветское время. Как и многие другие «переселенческие» населенные пункты, регионы и даже страны, Майкоп характеризуется весьма пестрым составом населения, однако имеются существенные отличия от остальных регионов Адыгеи по количеству приезжих, их этническому составу, их социальному статусу и структуре расселения. Именно поэтому важно рассмотреть ситуацию, существующую на данный момент в столице Республики Адыгея.

Вследствие крайне высокой степени извилистости границ Республики Адыгея Российской Федерации трудно сказать, что Майкоп находится в центральной части этого региона. С одной стороны от центра города до ближайшего пункта на территории соседнего региона всего чуть больше 15 км, с другой стороны - крайние точки республиканской территории практически равноудалены от него примерно на 100 км. Это привело к тому, что Майкоп с самого начала своего существования являлся и остается сейчас единственным в республике крупным центром притяжения человеческого капитала как из различных мест Республики Адыгея, так и из ближайших районов Краснодарского края. Естественно, что он не настолько экономически мощен, как Краснодар, однако в некоторых отношениях Майкоп соперничает в этом даже с центром соседнего региона. Кроме того, в последние десятилетия Майкоп привлекает различные группы населения из более дальних регионов России и мира.

История города начинается в 1857 г. с момента закладки постоянной военной крепости, но лишь 10 апреля 1936 г. город Майкоп вместе с прилегающими территориями был включен в состав Адыгейской автономной области, одновременно с этим став ее административным центром, заменив в этом качестве Краснодар. Таким образом, в первые 14 лет существования национальной автономии ее будущая столица не имела к ней непосредственного отношения, но и сам Майкоп первые 80 лет после своего основания развивался вне рамок национальных образований.

В административном плане, по Конституции Республики Адыгея, город Майкоп представляет Майкопский республиканский городской округ. Помимо территории собственно

города сюда включены еще 8 прилегающих к нему с севера и северо-запада населенных пунктов (см. табл. 1) [Закон Республики Адыгея..., 2000]. Все они в различной, но в целом в довольно высокой степени интегрированы в социальную, экономическую и культурную жизнь Майкопа. С другой стороны, втрое большее количество населенных пунктов Майкопского района, расположенных к северо-востоку, югу и юго-востоку от города, имеют с ним не менее интенсивные, а порой и более тесные социально-экономические связи, несмотря на отношение к другой административно-территориальной единице республики. Все эти населенные пункты вне всяких сомнений взаимосвязаны на различных уровнях и формируют единую агломерационную структуру.

Таблица 1

**Площадь и численность населенных пунктов Майкопского республиканского городского округа
(оценка Росстата на 2020 г.)**

Населенный пункт	Тип населенного пункта	Площадь населенного пункта (км ²)	Численность населения (чел.)	Доля населения от городского округа (%)
Майкоп	город	69,64	139 084	84,51
Весёлый	хутор	1,05	653	0,40
Гавердовский	хутор	5,59	3781	2,30
Западный	поселок	1,45	3418	2,08
Косинов	хутор	0,57	312	0,19
Подгорный	поселок	1,52	741	0,45
Родниковский	поселок	3,36	1270	0,77
Северный	поселок	4,51	1246	0,76
Ханская	станица	21,92	11 679	7,1
Итого		109,62	162 184	100

Необходимо заметить, что селитебная площадь всего республиканского городского округа год от года продолжает увеличиваться, переступая границы населенных пунктов и самого городского округа, и фактически превышает номинально заявленную. Отражает ли этот процесс качественные изменения состава населения Майкопа и как это влияет на социолингвистическую ситуацию в городе?

Это чрезвычайно важные вопросы, особенно актуальные в свете лишь недавно прошедшей всероссийской переписи населения 2021 г. Но так как новейшие данные еще только готовятся быть обнародованными, необходимо обратиться к данным последних на сегодняшний день всероссийских переписей 2002 и 2010 гг., безусловно, учитывая результаты всесоюзных переписей предыдущего периода. Кроме того, небезинтересными будут статистические оценки экспертов Росстата.

Таблица 2

Изменение численности населения города Майкопа и его городского округа

Год	Численность населения городского округа	Численность населения города	Тип данных
1959	82135	отдельно не выделялся	перепись
1970	110212	отдельно не выделялся	перепись
1989	165222	148608	перепись
2000	—	167300	оценка Росстата
2002	175753	156931	перепись
2010	166540	144249	перепись
2021	162184	139084	оценка Росстата

Очевидно, пик численности населения Майкопа в границах как города, так и городского округа был пройден в 2000-2002 гг., однако в дальнейшем демографические данные непосредственно города Майкопа контрастируют с таковыми по округу. Численность населения округа практически стабилизировалась к 2010 г., испытывая с тех пор лишь незначительные колебания с едва намечающейся тенденцией к снижению, а численность населения города за тот же период весомо упала и продолжила относительно плавно снижаться в течение последующего десятилетия. Хотя здесь не учтены данные по прилегающим к городу населенным пунктам Майкопского района, которые также приняли на себя часть демографической нагрузки. Опираясь на демографическую статистику и учитывая стабильно низкий миграционный отток из Республики Адыгея (менее пятой части уроженцев региона покинули его за 30 лет существования), можно смело утверждать, что здесь наблюдаются достаточно типичные, хотя и не лишенные своей специфики субурбанизационные процессы (в том числе перераспределение населения между непосредственно городом и пригородами Майкопской городской агломерации). В чем проявляется эта специфика?

2. Главные компоненты социолингвистической ситуации**2.1. Русскоязычное население**

В первую очередь, нельзя забывать, что Республика Адыгея - это национально-территориальное государственное образование с адигейцами в качестве титульного этноса и двумя государственными языками (русским и адигейским), которым по Конституции Республики Адыгея гарантированы равные права. Однако реальная этнолингвистическая мозаика региона в целом и города Майкопа в частности отнюдь не так проста. Между собственно городом и республикой порой наблюдаются весьма существенные противоречия, а если брать в расчет еще и ситуацию по республике, исключая Майкопский республиканский городской округ, то эти различия проявятся еще отчетливее.

На первом месте по численности среди этносов и Республики Адыгея, и города Майкопа находятся русские. Их доля в городе даже выше, чем по республике (71,29% против 61,53%), что выглядит вполне ожидаемо, учитывая, что лишь чуть больше половины своего исторического развития Майкоп располагается на территории данного субъекта федерации. За счет присоединения к национальной автономии в 1936, 1940 и 1962 годах Майкопа и земель южной части Адыгеи соотношение долей титульного этноса и «нетитульного», в первую очередь русскоязычного населения, резко изменилось не в пользу первого. Несмотря на весьма заметную с 80-х годов прошлого века тенденцию к постепенному сокращению доли русскоязычного населения вследствие высокого миграционного притока иноязычного населения и не покрывающего его естественного прироста русскоязычного населения, подобное соотношение по-прежнему сохраняется и в наше время.

Да, именно русскоязычного, а не русского, так как при внимательном рассмотрении этнолингвистической мозаики, особенно в процессе ее исторического развития, можно обнаружить, что это в определенной степени собирательный, «зонтичный» термин. Представители различных этносов, утратившие свой язык, затем подвергшиеся аккультурационным и/или ассимиляционным процессам, гораздо чаще укажут в переписи в качестве своей национальности ту, что коррелирует с языком, на котором они теперь говорят. Это явление чрезвычайно характерно для восточнославянских и некоторых других восточноевропейских этносов. Если мы обратим внимание на изменение численности украинцев, занимающих, по данным переписи 2010 г., четвертую строчку по численности населения среди этносов Майкопа и Адыгеи (1,88% и 1,4% соответственно), то увидим, что почти век назад соотношение русского и украинского населения в границах автономной области того времени было практически один к одному. Быстрая аккультурация и даже полная ассимиляция в иноязычной среде характерны прежде всего для близкородственных народов. Для города Майкопа, помимо украинцев, в первую очередь подобная ситуация характерна для белорусов, все еще входивших в первую десятку этносов по данным переписи 2010 г., но имеющих все шансы ее покинуть - по итогам переписи 2021 г. Ни в языковом ландшафте Майкопа, ни в каких бы то ни было регулируемых сферах функционирования этнические языки украинцев и белорусов никак не представлены, несмотря на далеко не последние их позиции в рейтинге по численности. Из сферы внутрисемейного, дружеского и прочих видов нерегулируемого общения украинский и белорусский языки также стремительно вымываются с уходом представителей старшего поколения, языковой сдвиг у представителей этих этносов завершен почти полностью.

Очевидно (и это не требует специального объяснения) существенное преобладание русского языка на территории города Майкопа во всех сферах коммуникации. Он софункционирует во многих сферах с другим государственным языком Республики Адыгея - адыгейским, но масштабы использования адыгейского и русского языков все равно несопоставимы. Помимо прочего, русский язык не только является родным для большинства местного населения, но и служит языком межнационального общения для всех, за редким исключением, горожан и гостей города практически вне зависимости от их национальности, родного языка и уровня образования. Позиции русского языка в городе Майкопе в обозримом будущем видятся, вне всяких сомнений, непоколебимыми.

2.2. Адыгоязычное население

Этнический аспект

Со значительным отрывом в численности второе место занимает титульный этнос. По данным переписи 2010 г., адыгейцы составляют всего 18,19% населения Майкопа. Помимо них в городе проживает определенное количество черкесов (1,34%) и кабардинцев (0,18%). Однако возможно ли считать эти цифры корректными и в какой мере, должны ли они быть исправлены?

Данный вопрос непосредственно связан с вопросом восприятия себя представителями адыгейцев (включая шапсугов), черкесов и кабардинцев в этнолингвистическом аспекте. Тут необходимо совершить небольшой экскурс в этническую историю адыгов. Название «черкес» представляет собой устоявшийся экзоэтноним, которым начиная со средних веков и вплоть до прошлого столетия называла всех адыгов большая часть взаимодействовавших с ними народов. Сами представители всех вышеперечисленных этносов и/или субэтносов имеют общий эндоэтноним - *адыгэ*, разделяют общую историю и традиции, имеют единый морально-этический комплекс нравственного поведения - *адыгагъэ* и вытекающие из него правила этикета - *адыгэ хабзэ*; названия двух литературных норм их близкородственных языков также почти идентичны - *адыгабзэ* для адыгейского и *адыгэбзэ* для кабардино-черкесского [Раздольский, 2008]. Многие из них искренне считают себя единственным народом, который был разделен чисто административно. Тем не менее вплоть до нынешнего времени у многих представителей данной этнокультурной общности сохраняется память о принадлежности их самих и/или их предков к какому-либо из адыгских субэтносов («племен»).

На период, предшествующий Кавказской войне (1817-1864), в адыгском этнолингвистическом массиве можно выделить два восточных субэтноса (кабардинцы и бесленеевцы) и более дюжины западных субэтносов (шапсуги, бжедуги, натухаевцы, абадзеши,

адамийцы, егерукаевцы, мамхеги, махошевцы, темиргоевцы, тубинцы, хакучи, хатукайцы, жанеевцы, чебсин, хегайки, хетуки и гуайе). После выселения с исторической родины на исконной территории остались те же два восточных субэтноса (кабардинцы и бесленеевцы), но всего лишь четыре западных (шапсуги, бжедуги, абадзехи и темиргоевцы) [Половинкина, 2001]. В советский период они были объединены по внелингвистическим причинам в два восточных этноса (кабардинцы и черкесы) и один западный (адыгейцы), при этом адыги Краснодарского края (в основном, шапсуги и бесленеевцы) остались за пределами этой схемы.

Кабардинцы являются потомками самого восточного из когда-либо существовавших адыгских субэтносов - къэбэрдей, но сейчас они уже представляют собой в полной мере сформировавшийся этнос, один из трех государствообразующих этносов Кабардино-Балкарской Республики, их язык имеет устоявшуюся литературную норму и богатые письменные и устные традиции [Бгажноков и др., 2000]. В правомочности выделения кабардинцев как самостоятельного этноса и кабардино-черкесского языка как самодостаточного идиома сомневаться не приходится.

Противоположный пример в понимании данного вопроса: шапсуги - представители самого на сегодняшний день западного субэтноса на территории коренного расселения, а некогда и самого крупного адыгского субэтноса шапсыгъ. Перепись 2010 г. насчитала 3882 шапсуга, из них лишь 9 (!) человек в Республике Адыгея, 15 человек в Кабардино-Балкарской Республике, все остальные проживают на территории Лазаревского района города Сочи и Туапсинского района в Краснодарском районе. 9 человек, указавших в переписи принадлежность к шапсугам, проживают в городе Майкопе, в то время как жители всех четырех шапсугских аулов Тахтамукайского района Республики Адыгея были указаны как адыгейцы. В лингвистическом плане считается, что они говорят на шапсугском диалекте адыгейского языка, который значительно отличается от литературного варианта, основанного на темиргоевском диалекте, особенно в фонетическом плане (отличие более чем на 20 фонем). Шапсугский диалект никогда не имел письменной нормы, все ограничилось несколькими попытками создания для него отдельного алфавита [Керашева, 1957]. Точно также дела обстоят и в административной сфере: было предпринято несколько попыток создания национально-территориальных образований для шапсугов. В итоге эти попытки оказались безрезультатными.

Таким образом, получается, что два восточноадыгских субэтноса в соответствии с административно-территориальными границами субъектов Российской Федерации относят к двум этносам - кабардинцам и черкесам, говорящим на одном языке - кабардино-черкесском, а сохранившиеся на исконной территории четыре западноадыгских субэтноса, как правило, объединяются в один этнос - адыгейцы при неясном положении субэтноса шапсугов.

Кроме того, данный вопрос осложняется наличием огромной адыгской диаспоры во многих странах мира, но компактным проживанием она характеризуется в основном в странах Ближнего Востока (Турция, Иордания, Сирия, Египет, Ирак, Ливия, Израиль, Иран и т.д.). По численности она превосходит суммарное число всех адыгов (вместе взятых), проживающих на территории Российской Федерации. Но если российских адыгов еще удается распределить по трем этносам («ярлыкам», унаследованным от советского периода активного национальноязыкового строительства), то с представителями зарубежной диаспоры это сделать крайне сложно. И если на территории России субэтническое деление отходит на задний план и уступает место актуальному на сегодняшний день указанному распределению, то в диаспоре установки на сохранение памяти о субэтническом делении в рамках единого адыгского этноса весьма живучи. Этот факт подтверждается высоким уровнем сохранения и родного языка в целом, и различных, в том числе уже исчезнувших на территории России диалектов в частности [Aydin, 2015: эл. ресурс].

За последние несколько десятилетий по разнообразным причинам, в том числе из-за различных конфликтов на территориях компактного проживания адыгской диаспоры, как в городе Майкопе и его окрестностях, так и в других частях Республики Адыгея появляются адыги-репатрианты (в том числе из Косово и Сирии). И это совершенно неудивительно, учитывая крепкие контакты адыгской диаспоры с живущими на исконной территории соотечественниками. Однако их прибытие каждый раз дает толчок к возникновению вопросов собственной этнической самоидентификации, отнюдь не упрощая и без того весьма противоречивую картину.

Таким образом, исходя из сказанного, представляется логичным, что можно с уверенностью прибавить к адыгейцам, черкесов, занимающих пятое место по численности населения среди этносов Майкопа с их 1,34%, что дает в итоге 19,53% населения города. Хотя нельзя исключать и тот факт, что среди этих «переписных» черкесов могли встретиться также и те, которые относятся к восточным адыгам. Более детализированная в вопросах родного языка анкета, а также предварительно подготовленные переписчики, вероятно, могли бы помочь с этим разобраться, однако все это остается лишь на уровне пожеланий. Что касается кабардинцев, составляющих 0,18%, то их следует оставить отдельной, хотя и близкородственной, группой. При этом процессы аккультурации и ассимиляции среди этих этнических групп подобны процессам среди групп восточнославянского населения, однако с большей долей сохранности родного языка.

Лингвистический аспект

Подобным образом можно охарактеризовать и ситуацию со статусом адыгейского языка. Невзирая на тот факт, что адыгейский язык относится к младописьменным, а его графика устоялась менее века назад, не раньше середины 30-х годов XX в., его уже можно назвать достаточно функционально развитым. Софункционируя с русским языком в статусе государственного языка Республики Адыгея, адыгейский язык используется в большинстве официальных коммуникативных сфер, однако с разной степенью интенсивности. Он широко распространен в сферах образования, печати, театрального искусства, музыки, художественной литературы, местного самоуправления, различных СМИ и исламского культа, ведь адыгейский язык является важнейшим средством развития национальной культуры, приобщения к культурно-историческому наследию своего народа, становясь, таким образом, одним из важнейших факторов консолидации адыгейского этноса. Слабые позиции языка явно наблюдаются в сферах юриспруденции и делопроизводства, а также в негуманитарных областях научной деятельности. Визуальная репрезентация адыгейского языка в городской среде также постепенно становится более отчетливой: как на улицах города, так и в транспорте, а также в публичных интерьерах (кафе, рестораны, театры и т.д.) появляется все большее количество вывесок и надписей на титульном языке.

С другой стороны, нельзя обойти стороной вопрос частичной или даже полной утраты владения адыгейским языком отдельными представителями среднего и особенно младшего поколений городского населения. И это неудивительно, так как в последние десятилетия советского периода родители стремились отдать своих детей в русскоязычные школы и классы, считая, что свой родной язык они смогут в необходимом объеме освоить самотоцательно, в домашней среде, либо что адыгейский им совершенно не пригодится в будущем [Шадже, 1997: эл. ресурс]. Несмотря на явно очевидное повышение за последние десятилетия престижности статуса как самого языка, так и владения им, сказывается печальный отпечаток того времени, когда в обществе, особенно в городской среде, были сильны противоположные взгляды [Блягоз, 1994]. И если в сельской местности благодаря почти полному до сих пор доминированию адыгейского языка в повседневной жизни никаких особых усилий по сохранению способностей и возможностей по овладению родным языком прикладывать практически не приходилось, да и сейчас во многих местах еще не приходится, то городская среда Майкопа уже давно ставит перед носителями подобные вопросы. В чем причина этого различия?

Ответ кроется в отличии структуры расселения сельского населения различных этносов Республики Адыгея от городского. После окончания Кавказской войны (1817-1864) в

директивном порядке на территориях, впоследствии вошедших в состав республики, было осуществлено чересполосное расселение представителей коренного и пришлого населения. Результатом подобной деятельности стало появление большого количества практически полностьюmonoэтнических поселений, собранных в весьма компактные группы, которые чередовались между собой на весьма значительном протяжении вдоль среднего течения реки Кубань, нижнего течения реки Лаба и их притоков. Подобная картина расселения сохраняется по большей части и в настоящее время, хотя и претерпевает сейчас существенные изменения, связанные как с притоком в Адыгею новых этнических элементов (курды, лакцы, табасаранцы и пр.), так и с изменением баланса между этническими группами, проживающими здесь уже достаточно долгое время.

Город Майкоп представлял собой типичный город переселенцев, но в отличие от многих подобных ему пунктов, населенных представителями разных наций и религий, здесь еще ни разу за всю его историю не образовывались этнические кварталы или гетто. Представители различных этносов проживали вперемешку, что способствовало, с одной стороны, повышению статуса русского языка как языка межнационального общения, а с другой - могло приводить и приводило к языковому сдвигу среди носителей миноритарных языков в течение одного-двух поколений.

Отдельно стоит отметить, что доля титульного этноса в населении города хоть и уступает его доле в населении всей Республики Адыгея (по переписи 2010 г. 19,53% против 25,2%), однако она постепенно, но стабильно растет с момента вхождения Майкопа в состав автономии, что показывают результаты переписей. Немаловажную, а возможно и решающую роль здесь сыграл фактор получения статуса столицы региона. Следует помнить, что изначально адыгейского населения в городе Майкопе не было, а затем его процент в течение продолжительного времени был слишком мал для поддержания успешного функционирования языка, и лишь сейчас адыгейцев можно рассматривать в качестве уже достаточно весомой части населения, способной развивать и поддерживать свой языковой ландшафт.

Если рассматривать статистические данные по городскому округу целиком, то можно наблюдать явно намечающуюся тенденцию к изменению этой ситуации. Так, в поселке Западном уже перепись 2010 г. зафиксировала преобладание титульного этноса с долей в 48,53%, а в хуторе Весёлом замечена существенная концентрация курдского населения (13,95% населения по переписи того же года). С большой долей уверенности мы можем говорить о том, что перепись 2021 г. покажет усиление этой тенденции.

Еще один важный вопрос, который нельзя не затронуть, - это тема билингвизма среди адыгоязычных. И если для носителей русского языка как родного подобное явление в целом

носит почти единичный характер, то среди адыгейцев картина совершенно иная. В Майкопе уже сложилась и стабильно поддерживается ситуация почти поголовного русско-адыгейского билингвизма, причем вне зависимости от состава семьи: как в смешанных, так и в моноэтнических семьях. В смешанных нерусско-адыгейских семьях встречаются и более интересные, хотя, естественно, весьма редкие варианты билингвизма: адыгейско-армянский, адыгейско-украинский и даже адыгейско-татарский. Благодаря более высокому качеству всеобщего образования в городе и русскоязычной среде в целом сравнительно часто в Майкопе можно наблюдать внутрисемейное общение между представителями разных поколений, ведущееся одновременно на двух языках: младшие используют только русский, а старшие – только адыгейский, при этом целостность диалога полностью сохраняется. Здесь, в городской среде, гораздо труднее найти монолингва с родным адыгейским языком, а шансы встретить представителя титульного этноса, являющегося монолингвом с родным русским языком, будут гораздо выше по причинам, которые были рассмотрены [Багироков, 2004].

3. Миноритарные компоненты социолингвистической ситуации

Все последующие языковые компоненты, из которых складывается этнолингвистическая мозаика Майкопа, значительно уступают двум государственным языкам Республики почти во всех коммуникационных сферах за исключением сферы бытового общения, что и не удивительно, учитывая отсутствие у них у всех хоть какого-либо официального статуса. Одна часть среди этих языков по-прежнему поддерживается соответствующими этническими диаспорами и передается следующим поколениям в достаточном объеме в абсолютном большинстве семей. Как правило, это языки совсем недавно прибывших и потому все еще не слишком многочисленных этнических диаспор из соседних регионов Кавказа: курдский, абхазский, осетинский, чеченский, ингушский, лезгинский, лакский, табасаранский, аварский и прочие языки «родом» из Дагестана, а также языки старожильческих диаспор из сопредельных с Кавказом территорий: ассирийский, болгарский и цыганский. Почти такой же высокой степенью сохранности отличаются армянский и татарский языки, они будут отдельно рассмотрены далее. Другая часть языков уже заметно сдала свои позиции, уровень владения родным языком этноса здесь не превышает 40-60% и, таким образом, остро стоят вопросы их жизнеспособности и дальнейшего функционирования на данной территории. Прежде всего, это языки малочисленных диаспор этносов Урало-Поволжья: башкирский, удмуртский, чувашский, мордовские, марийские, а также греческий и корейский. В качестве примера языков этой группы будет рассмотрен греческий язык. И есть

еще одна особая группа языков, численность носителей которых, по переписи, превышает количество представителей соответствующего этноса: арабский, турецкий, азербайджанский, молдавский и языки этносов Средней Азии. Данную ситуацию можно объяснить некорректным указанием опрошенными своей этнической принадлежности, что является недоработкой самой системы переписи. Однако необходимо будет подробнее остановиться на анализе ситуаций с арабским и турецким языками [Колесник, 2016].

Наиболее заметным среди миноритарных языков Республики Адыгея не только на территории Майкопского республиканского городского округа, но и на территории всей южной части Адыгеи является армянский язык. По данным переписи 2010 г., армяне представляют всего 3,03% населения города Майкопа, что даже меньше, чем по всей Республике Адыгея (это 3,7%), однако в пригородной зоне агломерации имеются населенные пункты, где доля данного этноса уже достигает 70%, и даже целый муниципалитет, где армяне составляют более 50% населения. Необходимо отметить, что армянская диаспора состоит из трех общин, прибывших на территорию региона в разные временные периоды и из разных регионов. Резкое, почти трехкратное увеличение численности армянской диаспоры произошло в результате миграционного притока в конце 80-х годов и в 90-х годах XX в., что было напрямую связано с печальными событиями в Закавказье. В этой части диаспоры родным языком прекрасно владеют все поколения, при этом билингвы встречаются среди всех поколений, но младшее поколение по этому показателю уже начинает лидировать. В нескольких пригородах Майкопа, где компактно расселившиеся общины диаспоры составляют половину населения или даже более, уже далеко не первый год армянский язык изучается в отдельных школах, кроме того, есть частные языковые курсы в самом городе Майкопе. Старожильческая часть диаспоры появилась здесь еще в последние десятилетия XIX в., в основном это были переселенцы из района Новой Нахичевани, Крыма, а также амшены из поселений Понтийского побережья и областей Западной Армении. Третий компонент - это прибывшие с территории Крымского ханства и живущие в этом регионе с эпохи Средних веков, но перешедшие в общении на различные адыгские диалекты черкесогаи, они в данном случае не рассматриваются [Бурыкина, 2006]. В старожильческой части диаспоры языковой сдвиг уже существенно продвинулся вперед, наблюдается поголовный билингвизм с нарастающим русскоязычным монолингвизмом среди самого младшего поколения, особенно среди живущего в городской среде. Если смотреть в целом, то армянская диаспора отличается высокой степенью владения родным языком (почти 90%), поэтому в высоком уровне витальности языка нет никаких сомнений. Кроме сферы школьного образования, почти единственная регулируемая коммуникативная сфера, в которой армянский язык хорошо представлен, - это культовая: во всех храмах Армянской апостольской церкви региона, первая из которых появилась в Майкопе более века тому назад,

богослужение ведется на этническом и, при необходимости, русском языках [Армянская Апостольская Церковь Епархия Юга России]. В аудиовизуальном пространстве города армянский язык представлен крайне слабо, хотя, например, нет ничего удивительного в том, что можно услышать армянскую речь на улице или на базаре.

Еще один заметный компонент местной этнолингвистической картины - это греческий язык. Несмотря на резкое сокращение численности этой этнической диаспоры в связи с активной депатриацией не только из Республики Адыгея, но и со всего постсоветского пространства в конце 80-х и 90-х годах XX в., по переписи 2010 г., греки еще входят в первую десятку по численности на территории Майкопского городского округа. Они составляют 0,57% населения с максимумом в 14,98% в хуторе Гавердовском, хотя и там их доля сократилась в несколько раз. Однако депатриировалась именно самая активная, в том числе и с точки зрения сохранения языка и культуры своего этноса, часть диаспоры. В результате этого скорость ассимиляционных процессов лишь нарастает: степень владения этническим языком уже на момент переписи 2010 г. упала до 56%. Даже невзирая на наличие курсов греческого языка в одной из школ города Майкопа, эти процессы уже можно признать необратимыми, в данном случае языковой сдвиг, по-видимому, прошел точку невозврата. В языковом ландшафте города Майкопа данный этнический язык присутствует слабо, но весьма ярко и запоминаемо: надпись ΛΑΖΑΡΟΣ, выложенная метровыми буквами на фасаде дома, построенного одноименной строительной фирмой, отлично видна на большом расстоянии и ежедневно напоминает всем о присутствии греческого этноса и языка в регионе.

Татарский язык с самого своего появления в 20-х и 30-х годах XX в. является весьма активным и стабильно развивающимся элементом социолингвистической ситуации сначала в нескольких районах Республики Адыгея, а затем и в городе Майкопе. Судя по результатам всех прошедших переписей, абсолютная численность татар в регионе и его столице растет при стабильно поддерживаемой доле в 0,60% населения с несущественными колебаниями. Сохранению собственного этнического лица татарской диаспоры способствует активная работа татарского культурно-просветительского общества «Дуслык»: в 2021 г. ему исполняется ровно 30 лет [Татары Адыгеи Майкоп]. Все это время оно успешно поддерживает земляков, наладило прочные связи с исконным регионом бытования этноса, организует регулярные встречи диаспоры, открыло свой собственный музей этнической культуры, но главное - организовало и с тех пор непрерывно обеспечивает работу воскресной школы, где ведется преподавание татарского языка. В результате регулярного проведения разнообразных мероприятий и стабильного поддержания этнокультурной среды аккультурационные и ассимиляционные процессы в татарской диаспоре значительно замедлились, что подтверждается и оценкой

степени владения этническим языком в 76%. Поэтому можно утверждать, что среди этнических языков Поволжья, используемых в городе Майкопе, татарский язык является единственным, которому при сохранении текущих тенденций развития не грозит в ближайшем будущем сокращение численности носителей в качестве первого и/или второго языков.

Вопрос об одиннадцатикратном превышении числа носителей турецкого языка над количеством представителей соответствующего этноса (1185 против 103) разрешается довольно банальным способом. Находясь в течение нескольких веков в орбите социально-экономической, политической и культурной жизни Османской империи, адыги, особенно западные их субэтносы, воспринимали многие новшества через посредство турецкого языка. Сохранившиеся с тех пор крепкие связи не только не ослабевают, но и продолжают углубляться, этому феномену способствует как наличие многочисленной адыгской диаспоры по всей Турции, так и присутствие малочисленной турецкой диаспоры в Республике Адыгея, которая почти вся сосредоточена в городе Майкопе и его окрестностях. Так, у города Майкопа налажены побратимские отношения с одним из центральных районов Анкары (столицы Турции) - Чанкай и с городом Газиантепом, а также поддерживаются дружеские взаимоотношения со Стамбулом, Бурсой и Инегёлем. В течение всего времени функционирования аэропорта в городе Майкопе, большая часть рейсов связывала Республику Адыгея именно с различными турецкими городами; таким образом, знание турецкого языка было существенным преимуществом регионального масштаба. Вот поэтому курсы по изучению турецкого языка были одними из первых курсов иностранного языка, открывшихся в Майкопе, и они постоянно работают начиная с 1993 г., до сих пор оставаясь неизменно популярными среди местного населения. Отсюда следует вывод, что вне местной диаспоры этнических турок нет какой-либо особенной группы, активно использующей турецкий язык.

Но самым интригующим элементом этнолингвистической мозаики города Майкопа на сегодняшний день становится арабский язык. Перепись 2010 г. зафиксировала на территории всей Республики Адыгея 412 человек, говорящих на нем, при количестве этнических арабов всего в 40 человек. Следует отметить, что география распространения носителей арабского языка до последнего времени в высокой степени коррелировала с географией распространения мусульманских общин и мечетей. Дело в том, что арабский язык используется представителями любых национальностей, чья деятельность связана со сферой религии, как язык исламского богослужения в дополнение к адыгейскому и русскому, однако в реальности степень владения арабским языком священнослужителями порой оставляет желать лучшего. Остается также открытым вопрос о том, что в данном случае понимается под арабским языком: классический литературный, современный стандартный или какие-либо из многочисленных

региональных диалектов? Вопрос только на первый взгляд кажется тривиальным. В связи с началом вооруженных действий в Сирии в 2011 г. за последнее десятилетие в Майкопе количество носителей сиро-палестинских диалектов арабского языка заметно выросло. Но насколько? Следует, конечно, дождаться результатов переписи 2021 г., однако совершенно определенно можно предположить значительность этого числа, так как арабоязычные уже начинают образовывать статистически заметную этнолингвистическую группу [Сташ, 2013]. Она уже стала формировать вокруг себя собственную инфраструктуру: магазины специй и восточных деликатесов, сети кафе и фастфуда. Тот факт, что члены арабоязычной diáspora в большинстве своем практически не владеют русским языком даже на базовом уровне, только усиливает притяжение представителей diáспоры к точкам своей же инфраструктуры, создавая эффект сверхконцентрации. Кроме того, в подобных местах резко вырастает вероятность, что русского языка будет совершенно не достаточно для осуществления адекватной коммуникации на территории России.

6. Заключение

Резонно сделать предположение, что те пути, по которым в наши дни развивается социолингвистическая ситуация в Майкопе, в целом отражают глобальные процессы, идущие во многих местах по всей планете. Оба государственных языка Республики Адыгея (русский и адыгейский), находясь в привилегированном положении, лишь усиливают свое доминирование. Впрочем, русский как общегосударственный язык, безусловно, превалирует над всеми, однако растет доля населения, не владеющая им в достаточной для полноценной коммуникации мере. Для адыгейского языка характерны разнонаправленные процессы: идет укрепление его позиций в целом, но в то же время среди молодежи развивается языковой сдвиг (переход на русский язык). Языки недавно прибывших и до сих пор прибывающих diáспор (это языки Кавказа и макрорегионов к югу от него) живы и используются с различной степенью интенсивности. С вопросом естественной передачи языков этих этносов последующим поколениям здесь еще только предстоит столкнуться. Ситуация со старыми diáспорами неоднозначна: чем сильнее проявлена близость в культурном плане к доминирующему этнолингвистическим компонентам, тем выше уровень ассимиляции и тем дальшешел языковой сдвиг (это языки восточноевропейских, в том числе урало-половьжских этносов). Фактор связей с основным массивом бытования языка также может влиять двояко: для татарского языка он работает на поддержание языковой среды, а вот для греческого ситуация сложилась с точностью до наоборот. Естественно, в условиях неоднозначной языковой политики наших дней весьма трудно строить точные прогнозы относительно

развития социолингвистической ситуации в городе Майкопе. Однако вне всяких сомнений, динамика ее развития не лишена собственной специфики и уникальности, что в любом случае требует регулярного мониторинга и тщательного изучения.

Литература

- Армянская Апостольская Церковь Епархия Юга России. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://new.armenianchurchsouth.ru/> Дата обращения: 26.10.2021
- Багироков Х.З. (2004) Билингвизм: Теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). Майкоп: Изд-во АГУ. 316 с. Режим доступа: www.agulib.adygnet.ru/el_res/bagirokov Дата обращения: 23.10.2021
- Бгажноков Б.Х., Смирнова Я.С. (2000) Кабардинцы. // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН / Глав. ред. В.А. Тишков. С. 207–208.
- Блягоз З.У. (1994) О некоторых проблемах культуры родной и неродной речи в условиях билингвизма. // Мысли об адыгских языках / Адыг. респ. ин-т гуманит. исслед. Майкоп: Меоты. С. 37–38.
- Бурыкина Л.В. (2006) Черкесогаи Северо-Западного Кавказа в XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. № 4. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.4/360/burikina2006_4.pdf Дата обращения: 25.10.2021
- Закон Республики Адыгея от 5 мая 2000 года № 171 «Об административно-территориальном устройстве Республики Адыгея» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/804932767> Дата обращения: 18.10.2021
- Керашева З.И. (1957) Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп: Адыгейское книжное издательство. 148 с.
- Колесник Н.Г. (2016) Языковая ситуация в Республике Адыгея // Язык и общество. М.: Азбуковник. С. 660–677.
- Половинкина Т.В. (2001) Черкесия - боль моя: Исторический очерк (древнейшие времена - начало XX в.). 2-е изд., испр. и доп. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея». 224 с.
- Раздольский С.А. (2008) Ядро и периферия адыгской культуры в ее трансформации. Майкоп: Качество. 324 с.
- Стас Ж.А. (2013) Сирийские адыги как новый демографический кластер в Республике Адыгея. «Этнокультурное пространство Юга России (XVIII-XXI вв.)». Всероссийская научно-практическая интернет-конференция на официальном сайте Кубанского казачьего войска, Краснодар). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://slavakubani.ru/> Дата обращения: 28.10. 2021
- Татары Адыгеи и Майкопа. Society & Culture Website. АРОО Татарское Культурно-Просветительское Общество «Дуслык» (Дружба). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.instagram.com/tatarlar_adygeya0116 Дата обращения: 27.10.2021
- Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://krsdstat.gks.ru/> Дата обращения: 22.10.2021
- Шаджес А.Ю. (1997) Путь к государственным языкам // Республика Адыгея: этнополитические процессы и становление государственности. Ред. Р. Хунагов и др. М., ЦИМО. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/090120041205_1.htm Дата обращения: 24.10.2021

Şamil Emre Aydin (2015) Çerkes Diyalektlerinin karşılaştırmalı analizi. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.academia.edu/27977779/ÇERKES_DİYALEKTLERİ Дата обращения: 23.10.2021 (на турецком)

References

- Armyanskaya Apostol'skaya Tserkov' Eparkhiya Yuga Rossii [Armenian Apostolic Church Eparchy of the Russia South]. [online] Available at: <http://new.armenianchurchsouth.ru/> Access date: 26.10.2021. (In Russ.)
- Bagirokov, Kh.Z. (2004) Bilingvism: teoreticheskiye i prikladnye aspekty: Na materiale adygeyskogo i russkogo yazykov) [Bilingualism: theoretical and applied aspects (based on material from the Adyghe and Russian languages)]. Maykop: Adyghe State University Press. 316 p. Available at: www.agulib.adygnet.ru/el_res/bagirokov Access date: 23.10.2021. (In Russ.)
- Bgazhnokov, B.Kh., Smirnova, Ya.S. (2000) Kabardintsy // Narody i religii mira.: Entsiklopediya [Kabardians // Peoples and religions of the world. Encyclopedia] / Ed. by V.A.Tishkov; N.N. Miklukho-Maklai Institute of Anthropology and Ethnography RAS. Pp. 207-208. (In Russ.)
- Blyagoz, Z.U. (1994) O nekotorykh problemakh kul'tury rodnoy i nerodnoy rechi v usloviyakh bilingvizma // Mysli ob adygskikh yazykakh [About some problems of native and non-native speech at the bilingual situation. // Thinking of Adyghe languages] / Adyghe Republican Institute of Humanities Research. Maykop: Meoty. Pp. 37-38. (In Russ.)
- Burykina, L.V. (2006) Cherkesogai Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX v. // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo unuversiteta: setevoe elektronnoenauchnoe izdanie. № 4. [Cherkesogai of the North-Western Caucasus in XIX century // Journal of Adyghe State University: web-site journal. № 4]. [online] Available at: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.4/360/burikina_2006_4.pdf Access date: 25.10.2021. (In Russ.)
- Zakon Respubluki Adygei ot 5 maya 2000 goda № 171 "Ob administrativno-territorial'nom ustroystve Respublikи Adygeya" [The Law of the Republic of Adygeya of 5th May 2000 № 171 on "Administrative divisions of the Republic of Adygheya"]. [online] Available at: <https://docs.cntd.ru/document/804932767> Access date: 18.10.2021. (In Russ.)
- Kerasheva, Z.I. (1957) Osobennosti shapsugskogo dialekta adygeyskogo yazyka [Features of the Shapsug dialect of the Adyghe language]. Maykop: Adyghe Book Publishing. 148 p. (In Russ.)
- Kolesnik, N.G. (2016) Yazykovaya situatsiya v Respublike Adygeya // Yazyk i obshchetsvo [The language situation in Maykop // The language and the society]. M.: Azbukovnik. Pp. 660-677. (In Russ.)
- Polovinkina, T.V. (2001) Cherkesiya - bol' moya. Istoricheskiy ocherk (drevneyshie vremena - nachalo XX veka). [Circassia is my pain. Historical essay (ancient times - the beginning of the XX century)]. 2nd ed., corrected. Maykop: GURIPP «Adygheya». 224 p. (In Russ.)
- Razdol'skiy, S.A. (2008) Yadro and periferiya adygskoy kultury v eyo transformatsii [The coral and peripheral parts of the Adyghe Culture in the transformation]. Maykop: Kachestvo. 324 p. (In Russ.)
- Stash, Zh.A. (2013) Siriyskie adygi kak noviy demograficheskiy klaster v Respublike Adygheya, "Etnokul'turnoe prostranstvo Yuga Rossii (XVIII-XXI veka)". Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya na ofial'nom sayte Kubanskogo kazach'ego voyska [Syrian adyghe people as a new demographic cluster in the Republic of Adyghea, "Ethnocultural space of the Russian South (XVIII-XXI centuries). Russian Scientific practical web - conference on the Kuban Cossack Army site, Krasnodar)]. [online] Available at: <http://slavakubani.ru/> Access date: 28.10. 2021. (In Russ.)
- Tatary Adygei i Maykopa. Society & Culture Website. AROO Tatarskoe Kul'turno-Prosvetitel'skoe Obshchestvo "Duslyk" (Druzhba) [Tatars of Adygheya and Maykop. Society & Culture

- Website. AROO Tatarian Cultural Society “Duslyk” (Friendship)]. [online] Available at: https://www.instagram.com/tatarlar_adygeya0116 Access date: 27.10.2021. (In Russ.)
- Upravlenie Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Krasnodarskomu krayu i Respublike Adygeya [Directorate of the Federal State Statistics Service for Krasnodarsky kray and the Republic of the Adygheya]. [online] Available at: <https://krsdstat.gks.ru/> Access date: 22.10.2021. (In Russ.)
- Shadzhe, A.Yu.* (1997) Put' k gosudarstvennym yazykam // Respublika Adygeya: Etnopoliticheskie protsessy i stanovlenie gosudarstvennosti [The way of the languages to the official status. // Republic of Adygheya: Ethnopolitical processes and establishment of the statehood] / Ed. by R. Khunagov et al. M.: TSIMO. [online] Available at: <http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/0901200412051.htm> Access date: 24.10.2021. (In Russ.)
- Şamil Emre Aydin* (2015) Çerkes Diyalektlerinin karşılaştırmalı analizi [Comparative analysis of the Circassian dialects]. [online] Available at: https://www.academia.edu/27977779/ÇERKES_DİYALEKTLERİ Access date: 23.10.2021. (In Turk.)

Кузнецов Никита Александрович - младший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкоznания РАН
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: n.kuznetsov@iling-ran.ru

Для цитирования: *Кузнецов Н.А.* Современная социолингвистическая ситуация в городе Майкопе [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2021 № 4 (8). С. 101-118. DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-101-118

For citation: *Kuznetsov, N.A.* Present day sociolinguistic situation in Maikop [online] // Sociolinguistics. 2021. No. 4 (8). Pp. 101-118.(In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-101-118